

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-475-483

УДК 821.161.1

ОТРАЖЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ВРЕМЕНИ В РОМАНАХ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР» И «АВИАТОР»

М.В. Бочкина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов, Москва, Россия, 119991

В статье предпринята попытка проанализировать концепцию художественного времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор». При всем различии тематики данных произведений в них обнаруживается один и тот же тип художественного мышления. Ключом к пониманию данного феномена является научная работа Е. Водолазкина «Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеяного повествования XI—XV веков)». Опыт филологического исследования оказал влияние на художественную практику писателя, структурные и смысловые особенности текстов. Концепция времени в «Лавре» и «Авиаторе» имеет точки соприкосновения с определением времени в Средневековье. В результате анализа произведений были выделены такие черты художественного времени, как спиралевидность, историчность и одновременность, характеризующие картину мира средневекового человека и реализованные в романах Е. Водолазкина.

Ключевые слова: Водолазкин, современный роман, художественное время, историческое время, одновременность, линейность, цикличность, древнерусская литература, современная русская литература

Роман Е. Водолазкина «Авиатор» вышел в свет через четыре года после первой публикации «Лавра». И если роман о древнерусском праведнике органичен для писателя, являющегося профессиональным филологом-медиевистом, то выбор тематики «Авиатора» выглядит довольно неожиданным. Действительно, два романа одного автора относятся к разным явлениям современной литературы. Действие «Лавра» происходит в XV в. на территории Древней Руси, однако в повествование включаются также фрагменты, в которых описываются другие эпохи, в частности XX в. Писатель прибегает к обновлению жанров древнерусской литературы (жития, палеи, хождения). Текст изобилует вставками из древнерусской литературы, к примеру, рассказ о собаке, восходящий к сюжету Летописца Еллинского и Римского Второй редакции, «Александрия», рассказы о монстрах, распространенные в средние века и др.

Роман «Авиатор», на первый взгляд, имеет мало точек соприкосновения с «Лавром». В нем описывается жизнь человека, чудесным образом заставшего две эпохи, — с 1900-го года до времен сталинского правления и 1990-е гг. Подвергнувшийся криогенной заморозке узник Соловецкого лагеря «оживает» в последнее десятилетие XX в. — сюжет, характерный для жанра научной фантастики. Главный

герой «Авиатора» — человек, «выпавший» из своего времени и ощущающий «фантомную боль» [1. С. 380] по непрожитым годам, который пытается восстановить историю по воспоминаниям и субъективным впечатлениям. Роман написан в форме дневника, где в первой части повествование ведется от лица Иннокентия, а во второй части записи принадлежат также Насте и Гейгеру. С одной стороны, «Авиатор» можно отнести к такому явлению русской литературы, как «петербургский текст», с другой стороны, роман продолжает традиции лагерной прозы.

Несмотря на формальное и содержательное различие двух романов, детальный анализ позволяет обнаружить один и тот же тип художественного мышления, ключом к пониманию которого служит научная работа Е. Водолазкина «Всемирная история в литературе древней Руси (на материале хронографического и палеологического повествования XI—XV веков)». Роман «Лавр» как результат творческих интуиций автора, имеет прочную связь с исследованиями профессионального филолога. Структурные и смысловые особенности древнерусской литературы актуализируются в художественной практике Е. Водолазкина. Автор смешивает древнерусский и современный дискурсы, так, как это делают постмодернисты. Данный творческий метод приводит к универсализации картины мира средневекового человека, являющейся объектом анализа не только в «Лавре», но и в «Авиаторе». В различных по тематике романах Е. Водолазкина прослеживается множество межтекстовых связей, к примеру, сходство религиозно-философской проблематики, образов и мотивов.

Мировоззрение древнерусского человека, являющееся главным объектом изображения в «Лавре», характеризуется особым пониманием времени. Как пишет исследователь А. Гуревич, ответ на вопрос «Что есть время?» является важнейшей чертой культуры: «Мало найдется других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы ее сущность, как понимание времени» [2. С. 103]. Если обратиться к литературе, в частности к современному роману, то категория времени является здесь не только формальным, структурообразующим элементом, а становится идейно-смысловым аспектом, отсылает к «аксиологической» [3. С. 15] стороне литературного произведения. Концепция времени, почерпнутая из средневековья, углубляется и актуализируется в «Лавре» и преломляется сквозь эпоху XX в. (с 1900-х по 1990-е гг.) в «Авиаторе». На основе анализа научного и художественного материала, были выделены следующие черты данной концепции.

1. Время как спираль.

Образ времени в средневековом сознании основан на соотношении понятий цикличности и линейности. Если в античности время было преимущественно цикличным (мифологическое время), то в иудео-христианской культуре время человечества понимается как линейный исторический процесс, имеющий начало и конец (от акта божественного творения к Страшному суду), обретает свойство необратимости. Однако, как указывает А. Гуревич, христианское время полностью не избавилось от цикличности, его концепция строится на пересечении двух категорий, поскольку линейное земное время вписано в общий завершённый цикл от сотворения мира до его конца: «Движение по линии и вращение в круге объединяются в христианском переживании хода времени» [2. С. 121]. Водолаз-

кин Е., анализируя литературу Древней Руси, приходит к выводу, что объединение круга и линии дает фигуру спирали, характеризующую поэтику текстов: «Очевидно, в качестве компромиссной фигуры здесь следует рассматривать спираль, отражающую хронографический тип истории, который в равной степени касается времени и вечности, повторяемости и неповторимости» [4. С. 95]. Таким образом, в средневековой концепции человек, находящийся в рамках земного, сотворенного линейного времени, соприкасается с вечностью (атрибут Бога).

Идея спирали реализуется в романе «Лавр» на уровне композиции и трактуется в диалогах героев. Встреча с Устиной, закончившаяся трагической смертью героини, — важнейшее событие в судьбе Арсения, переломный момент, определяющий весь дальнейший путь главного героя. По своей значимости это событие обладает свойством единичности, неповторимости. Встреча с Анастасией в Книге Покая соотносится с ним по принципу подобия, а сам герой воспринимает ситуацию как тождественную (называет Анастасию Устиной). Идея повторения кругов спирали проходит и сквозь сознание героя. С одной стороны, он констатирует, что «повторения на свете нет: существует только подобие» [5. С. 332], с другой стороны, герой предчувствует в будущем встречу с прошлым (цикличность). Обращаясь к Устине в Книге покая, герой замечает: «Не пошло ли время вспять, или — поставим вопрос иначе — не возвращаюсь ли я сам к некоей исходной точке? Если так, то не встречу ли я на этом пути тебя?» [5. С. 359]. И далее в Книге покая эта мысль повторяется уже с точки зрения повествователя: «Время действительно возвращалось вспять» [5. С. 361], «Время расплзлось по швам» [5. С. 361]. Герой и события протекают уже не только во времени (линейность), но и вне его, в соприкосновении с вечностью. В ощущениях главного героя время обретает характер цикличности — он меряет года веснами, знает все воскресения в году. Уподобление круга вечности, а также спиралевидная концепция времени констатируется в разговоре Лавра со старцем Иннокентием в Книге покая: «Возлюбив геометрию, движение времени уподоблю спирали. Это повторение, но на каком-то новом более высоком уровне» [5. С. 376]. За видимым подобием подчас скрывается противоположный смысл, возвращающий к идее единичности (грех в отношении к Устине, духовное спасение и исцеление Лавра в ситуации с Анастасией). На нее указывает и запомнившееся Лавру слово «однажды» [5. С. 412]. Таким образом, идеи повторяемости и неповторимости реализуются на протяжении всего романа.

Если структура «Лавра» как романа-жития в целом линейна (жизнь от рождения до смерти), то в «Авиаторе» время наиболее субъективировано (жанр дневника) и прерывисто. Однако мотив повторения и соприкосновения с вечностью наблюдается и здесь. Линейность времени жизни Иннокентия была прервана. Естественный (линейный) ход событий условен и может быть изменен волей Бога: «Бог идеже хочет, побеждается естества чин» [1. С. 353]. После пробуждения герой возвращается к прошлому мысленно и посредством памяти, а также встречаясь с Анастасией и Ворониным, — своеобразная цикличность. Любовь к Насте, внучке Анастасии, отсылает героя к идее всеединства, поскольку Настя и Анастасия для него — «кусочки одной мозаики» [1. С. 227], спиралевидное уподобление и продолжение одной жизни в другой. Свой второй шанс герой связывает со

свойством времени: «Это — повторение и одновременно неповторение того, что было» [1. С. 227]. Иннокентий, сравнивая линейность календарных дней с циклическостью дней недели, датирует записи дневника именно днями недели, придавая событиям, переданным сквозь призму субъективного восприятия, свойство циклическости, а значит вневременности. Дневник становится историей души, обладающей жизнью вечной. Данная мысль воплощается и в сравнении героя с Робинзоном Крузо, который измеряет время на острове, отмечая зарубками воскресные дни.

Важным образом-символом в романе «Лавр» является птица Феникс, которая объединяет идеи смерти (необратимость) и воскрешения (обратимость), а также птица харадр, которым уподобляется Арсений, множество раз находившийся на границе жизни и смерти и даровавший исцеление и жизнь другим. С образом птицы перекликается мотив полета, воплощенный в Книге познания, где маленький Арсений пытается взлететь на небо с помощью перьев павлина. Данный мотив воплощен и в романе «Авиатор», где главный герой Иннокентий называет себя авиатором, а также в сцене запуска воздушного змея с другом детства.

Идея воскрешения в «Авиаторе» соотносится с евангельской историей воскрешения Лазаря. «Знаю, что ты воскрес» [1. С. 363] — говорит главному герою старый Воронин. Одной из возможных целей воскрешения Лазаря Богом Иннокентий рассматривает искупление тяжкого греха, которое возможно только при жизни, в чем усматривается явная отсылка к его собственной судьбе. Искупление греха убийства (месть Зарецкому) реализуется в создании портрета, выражающего раскаяние и всепрощение. Герой видит в этом циклическую закономерность: «Ведь настоящее покаяние — это возвращение к состоянию до греха, своего рода преодоление времени» [1. С. 409], что снова реализует антиномию обратимости — необратимости времени.

В романе «Лавр» также содержится сюжет о воскрешении воина, впавшего в бред с женой земледельца после покаяния, а затем умершего. За его душу поручился ангел, и воин был отпущен на землю, чтобы искупить грех и спастись. Этот сюжет полностью соответствует рассказу древнерусской литературы, упомянутому в исследовании Е. Водолазкина. Автор рассматривает его как сюжет, восходящий к истории Лазаря. Идея «нераскаянного греха» [4. С. 110] и второго шанса спасения души также характеризует жизнь героя «Авиатора» Иннокентия.

Таким образом, спиралевидная концепция времени, реализованная в романах и исследованиях Е. Водолазкиной и отражающая средневековое христианское понимание времени, характеризуется такими антиномиями, как временность — вечность, обратимость — необратимость, единичность — множественность, циклическость — линейность, сосуществующими, а не исключаящими друг друга свойствами времени.

2. Историчность средневекового понимания времени.

В отличие от мифологического замкнутого времени, христианское время — это, в первую очередь, время историческое. Как пишет А. Гуревич, «в рамках христианского мировоззрения оказывается возможным создание философии истории» [2. С. 123]. Исследователь замечает, что в средневековом сознании сосуществовали две эсхатологии, «большая» и «малая», подводившие итог истории

человечества (Страшный суд) и суд над человеческой душой после его смерти. Гуревич А. делает вывод об особом чувстве причастности к истории средневекового человека: «<...>человек ощущал себя в качестве участника всемирно-исторической драмы, в ходе которой решается судьба мира и судьба его индивидуальной души» [2. С. 122]. Е. Водолазкин, исследуя древнерусские тексты, высказывает мысль о том, что личное спасение является важнейшим для средневекового человека: «В отсутствие видимых общих исторических целей персональная работа каждого над спасением становилась едва ли не главным обоснованием истории как таковой. Эта работа может проводиться только при жизни, а значит — в рамках истории» [4. С. 113]. «История души» выводится на первый план как в «Лавре», «неисторическом» романе, написанном в жанре неканонического жития, так и в «Авиаторе» — романе-дневнике. В обоих произведениях превалирует идея преодоления зла в душе конкретного человека. Историческое влияние не отвергается как чуждое для частного человека; исторический процесс, как понимал его древнерусский человек, един, целостен, творим свободной волей людей и объемлем Богом, но главная цель человека — спасение собственной души.

В романе «Лавр» мысль о соотношения частного и исторического времени вводится, главным образом, с точки зрения Амброджо Флеккиа, озабоченного «большой эсхатологией», т.е. всеобщим концом света. Всеобщая история и история личная, по мысли героя, «изначально не могут друг без друга». Предопределенность всеобщей истории (дар предвидения) для Амброджо не означает отмены свободы человека, на котором лежит проклятие временем за первородный грех. Однако Арсений и Амброджо видят в земном времени одновременно и его величайшую ценность, ведь именно в процессе земной жизни у человека есть возможность действовать и обрести спасение. При главной своей цели — спасении души Устины, жизнь Арсения отнюдь не изолирована от людей; будучи врачом-чудотворцем, герой до последних своих дней участвует в судьбах других людей.

Для древнерусского человека важность времени вечного, сакрального не умаляет ценности земного времени. В романе «Авиатор» Иннокентий замечает, что в «Повести временных лет» летописцы отмечали бессобытийные годы, что говорит о бережном отношении ко времени: «Потом понял: эти люди боялись потерять даже небольшую частицу времени. Те, кто жили вечностью, особо ценили время. И даже не столько время, сколько его непрерывность, отсутствие дыр. Думали, может быть, что настоящая вечность только и наступает, что после внимательно прожитого времени» [1. С. 387]. Иннокентий, лишенный многих лет своей жизни, пристально вглядывается в свое прошлое, словно пытаясь заново «внимательно прожить» это время. С его точки зрения, причиной исторических катаклизмов, в частности октябрьского переворота, о котором упоминает Гейгер, является зло внутри каждого человека, а не материальные предпосылки: «А разве всеобщее помутнение — не историческая предпосылка?» [1. С. 83]. История как таковая не несет зла, наоборот, утрата исторического времени осмысливается Иннокентием как глубоко трагический виток его судьбы. Мышление Иннокентия, по словам Гейгера, «неисторично», поскольку, помимо прочего, возлагает ответственность на самого человека. Образ истории, объемлемой божественным про-

видением (христианский провиденциализм, движение к всеобщему спасению) реализуется в тексте также с помощью детали: «На учебнике по истории — божья коровка» [1. С. 88].

В романах Е. Водолазкина и в средневековой концепции времени понятия частного и исторического времени являются слитными и нераздельными. В восприятии древнерусского человека библейская история обретает статус вневременный и универсальный, однако спасение определенного человека возможно лишь в рамках земной истории. Время земное ценно потому, что является преддверием к времени вечному, а сопричастность к жизни других людей трактуется в связи со спасением личной души.

3. Одновременность.

Несмотря на историчность христианского мировоззрения, средневековый человек не избавился от понимания мира как стабильного и неизменного. Отсюда, по мысли А. Гуревича, вытекает такое свойство средневековой историографии, как анахронизм, «антиисторичность» [2. С. 140], характеризующее средневековое мышление в целом. Между прошлым и настоящим не было четких границ, а история до воплощения Христа и после него — симметрична. Новый и Ветхий завет не находились во временной последовательности — между ними была символическая связь. Гуревич А. подчеркивает, что для средневекового человека характерно «чувство плотности, связанности и единства истории, а вместе с тем и ее неподвижности, пребывания ее всей — и ветхой и новой — в современности, точнее, во «вневременной одновременности»» [2. С. 141]. Водолазкин Е. в своих научных исследованиях отмечает, что параллелизм Ветхого и Нового заветов делал события в древнерусских текстах «достоянием и времени, и вечности одновременно» [4. С. 94]. Универсалии библейской истории виделись как присутствующие в прошлом, настоящем и будущем, и всемирная история была неким сосуществованием эпох, их единством, а не последовательностью.

Идея одновременности является важнейшей, объединяющей в романах Е. Водолазкина; она реализуется как на структурном уровне, так и на содержательном. Во-первых, язык романа включает в себя архаичный пласт и современный, которые могут чередоваться в рамках одного фрагмента. Также в тексте используются различные стили, порой контрастирующие друг с другом. Во-вторых, композиция романа включает в себя тексты о различных эпохах. Посредством предвидения персонажей, а также с точки зрения автора-повествователя в текст романа вводятся события разных времен. К примеру, в Книге познания Христофор узнает о будущем на много веков вперед, вплоть до 1991 г. Это будущее земли, где была построена выбранная им для жизни изба: «Подробное это предвидение указывало Христофору, что на его веку земля останется нетронутой, а избранный им дом пятьдесят четыре года пребудет в целости. Христофор понимал, что для страны с бурной историей пятьдесят четыре года — немало» [5. С. 15]. Подобный диахронический срез, изображенный в рамках одного абзаца, — это не просто будущее, а будущее, существующее в прошлом. Фрагменты текста, включающие предвидения персонажей, совмещают разбросанные во времени события и реализуют идею «вневременной одновременности». Показательными

в этом смысле являются видения Амброджо Флеккиа. В частности, идея одновременности реализуется в сцене смерти Амброджо, где в своем последнем предсказании он видит установку ангела на колокольню Петропавловского собора. И одновременно, с точки зрения автора-повествователя, промышленный альпинист видит, как в далекой Палестине ангел возносит душу Амброджо на небо.

Одновременно показаны в романе не только разные временные отрезки, но и разные стадии жизни определенного человека. В Книге познания Арсений, будучи мальчиком, видит в огне лицо старика — свое будущее. Данный фрагмент повторяется и в Книге покоя, где став седым стариком, он видел себя как светловолосого мальчика. Старик и мальчик, являющиеся одной личностью, но разделенные временем и обстоятельствами, одновременно смотрят друг на друга.

Вневременная одновременность, вечность является атрибутом божественным, а человек, ограниченный рамками линейного времени, способен лишь прикоснуться к ней. Арсений, он же Устин, Амвросий, Лавр, чувствует раздробленность своей личности и неспособность собрать ее воедино. Однако с точки зрения старца Иннокентия, кусочки единой мозаики собираются если не человеком, то Богом: «В каждом из них есть, Лавре, что-то более важное: устремленность к тому, кто глядит издалека. К тому, кто способен охватить все камешки разом. Именно он собирает их своих взглядом» [5. С. 402]. Подобная идея звучит и в «Авиаторе», где авиатор — это тот, «чей обзор достаточно широк» [1. С. 409]. Божественный взгляд способен охватить все события в их одновременности, придать им статус вечности — «Бог сохраняет все» [1. С. 408]. Подобное понимание времени как одновременности в полной мере неподвластно человеку, что выражается в мотиве неудавшегося полета (крушение авиатора Фролова и гибель в авиакатастрофе Иннокентия). С идеей одновременности связана фраза Амброджо в «Лавре», где он утверждает, что времени нет; ей уподобляется мысль Иннокентия в «Авиаторе» о том, что «рай — это отсутствие времени» [1. С. 164]. Грехопадение человечества стало причиной утраты состояния вневременности и заточило человека в рамках земного линейного времени.

Таким образом, «Лавр» и «Авиатор» Е. Водолазкина можно рассматривать как развитие единой концепции времени, в основе которой лежит картина мира древнерусского человека, проанализированная автором в книге «Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI—XV веков)». Данная концепция примечательна тем, что строится на ряде антиномий, присущих средневековому сознанию. Сопоставление линейности и цикличности, объединенных понятием спирали, порождает такие антиномии, как время — вечность, обратимость — необратимость, единичность — множественность. Историзм иудео-христианской культуры, не является историчным в полной мере. Прочтение библейского текста (Ветхого и Нового завета), а также восприятие всемирной истории древнерусским человеком имеет черты анахронизма, антиисторизма, соотносимое с понятием универсальности, «вневременной одновременности». При этом сосуществование двух эсхатологий — истории всеобщего спасения и истории души — прочно связывает судьбу человека с всемирным историческим процессом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Водолазкин Е.Г.* Авиатор. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 416 с.
- [2] *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
- [3] *Голубков М.М.* Время как проблема (к аксиологии современного романа) // Русская литература XX—XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения): V Международная научная конференция; Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 8—9 декабря 2016: материалы конференции. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 15—20.
- [4] *Водолазкин Е.Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеяного повествования XI—XV веков). СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2008. 488 с.
- [5] *Водолазкин Е.Г.* Лавр. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 448 с.

© Бочкина М.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 мая 2017

Дата принятия к печати: 6 июня 2017

Для цитирования:

Бочкина М.В. Отражение средневековой концепции времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2017. Т. 22. № 3. С. 475—483. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-475-483

Сведения об авторе:

Бочкина Мария Васильевна, аспирант кафедры новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Контактная информация: e-mail: marystradivari@mail.ru, 8-925-910-21-71.

MEDIEVAL CONCEPT OF TIME REFLECTION IN E. VODOLAZKIN'S NOVELS "LAURUS" AND "THE AVIATOR"

M.V. Bochkina

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1st Humanities Building, Moscow, Russia

The article attempts to analyze the concept of artistic time in the novels of E. Vodolazkin "Laurus" and "The Aviator". Despite the difference in the issues of the novels, it found the same type of artistic thinking. The key to understanding this phenomenon is the scientific work of E. Vodolazkin "World history in the literature of ancient Rus". Philological research experience influenced on the artistic practice of the writer, on the structural and semantic features of the texts. The concept of time in the "Laurus" and "The Aviator" has points of contact with the definition of the time in the Middle Ages. The result of the analysis of the works is the identification such features of literary time as the spiral, the historicity and the simultaneity, characterizing worldview of a medieval man and realized in the novels of E. Vodolazkin.

Key words: Vodolazkin, modern novel, literary time, historical time, simultaneity, linearity, cyclicity, ancient Russian Literature, modern Russian Literature

REFERENCES

- [1] Vodolazkin E.G. *Aviator*. M.: Izd-vo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2016. 416 p.
- [2] Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of medieval culture]. M: Iskusstvo, 1984. 350 p.
- [3] Golubkov M.M. *Vremya kak problema (k aksiologii sovremennogo romana)* [Time as a problem. To axiology of Modern Novel]. *Russkaya literatura XX—XXI vekov kak edinyi protsess (problemy teorii i metodologii izucheniya): V Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*; Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 8—9 December 2016: materialy konferentsii. M.: MAKSS Press, 2016. Pp. 15—20.
- [4] Vodolazkin E.G. *Vsemirnaya istoriya v literature Drevnei Rusi (na materiale khronograficheskogo i paleinogo povestvovaniya XI—XV vekov)* [World history in Russian Medieval Literature. On material of chronograph and paleya narration]. SPb.: Izd-vo «Pushkinskii dom», 2008. 488 p.
- [5] Vodolazkin E.G. *Lavr* [Laurus]. M.: Izd-vo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2014. 448 p.

Article history:

Received: 15 May 2017

Revised: 6 June 2017

Accepted: 6 June

For citation:

Bochkina M.V. (2017) Medieval concept of time reflection in E. Vodolazkin's novels "Laurus" and "The Aviator". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (3), 475–483. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-475-483

Bio Note:

Bochkina Mariia Vasilyevna, Phd student of the Department of Russian Literature of the XX century and contemporary literary process, Philological faculty, Moscow Lomonosov state university. *Contacts*: e-mail: marystradivari@mail.ru, 8-925-910-21-71.